

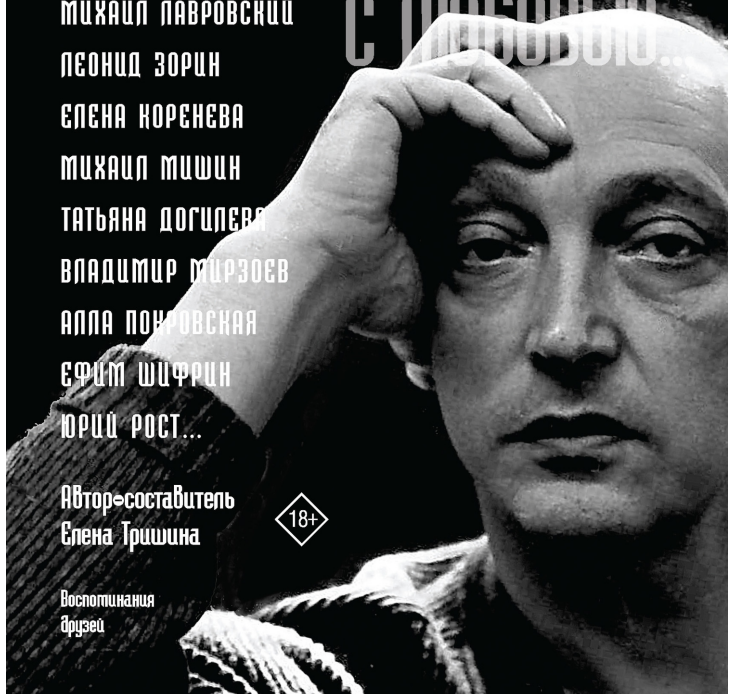
СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ
АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ
КОНСТАНТИН РАЙКИН
ОЛЕГ МЕНЬШИКОВ
МИХАИЛ БАРЫШНИКОВ
СВЕТЛАНА КРЮЧКОВА
ИГОРЬ КОСТОПЕВСКИЙ
МИХАИЛ ПАВРОВСКИЙ
ЛЕОНИД ЗОРЦН
ЕЛЕНА КОРЕНЕВА
МИХАИЛ МИШИН
ТАТЬЯНА ДОГЦЕВА
ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ
АЛЛА ПОКРОВСКАЯ
ЕФИМ ШЦФРИН
ЮРИЙ РОСТ...

Автор-составитель
Елена Тришина

Воспоминания
Друзей

МИХАИЛ КОЗАКОВ

ИЗОТКУДА С ДЯБОВИНО...

Елена Тришина Н.
Михаил Козаков:
«Ниоткуда с любовью...».
Воспоминания друзей
Серия «Стоп-кадр (АСТ)»

indd

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48427991

*Михаил Козаков. «Ниоткуда с любовью...». воспоминания друзей:
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118116-1*

Аннотация

Михаил Козаков (1934–2011) – известный актер («Убийство на улице Данте», «Выстрел», «Здравствуйте, я ваша тетя!»), режиссер («Безымянная звезда», «Покровские ворота»), автор поэтических программ по произведениям Бродского, Пушкина, Тютчева, автор книг «Рисунки на песке» и «Третий звонок».

Автор-составитель книги «Михаил Козаков: „Ниоткуда с любовью“» Елена Тришина – журналист, редактор и близкий друг М. М. Козакова. «Он всё о себе сказал сам. Но мне захотелось сейчас поговорить о нем с людьми, которых он любил, кто вспоминает откровенно и просто, без лишней патетики о Мише – Мишке – МихМихе – ММ...»

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«И это всё в меня запало, и лишь потом во мне очнулось...»	7
Сергей Юрский	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Михаил Козаков:
«Ниоткуда с любовью...»
(воспоминания друзей)
Автор-составитель

Елена Тришина

Оформление переплета Андрей Рыбаков

Автор фото на переплете Кирилл Козаков

Оформление вкладки иллюстраций Аида Сидоренко

Автор-составитель сборника Елена Тришина и «Редакция Елены Шубиной» благодарят за предоставленные фотографии: Директора музея театра «Современник» Татьяну Прасолову, Кирилла Козакова, Регину Козакову, Марка Хромченко, Людмилу Хмельницкую, Ирину Селезневу, Андрея Житинкина, Александра Стернина, Иосифа Райхельгауза, Инну Милорадову, Игоря Штернберга, Владимира и Екатерину Мирзоевых, Дмитрия Брикмана. В книге также использованы фотографии из архива киноконцерна «Мосфильм» и агентства «РИА Новости»

© Тришина Е. Н., 2019.

© ООО «Издательство АСТ», 2019.

* * *

*Мы живем для воспоминаний, пока, разумеется,
еще живем.*

Михаил Козаков

«И это всё в меня запало, и лишь потом во мне очнулось...»

Впервые имя – Михаил Козаков – громко прозвучало в середине прошлого века.

Блистательным было его появление в фильме Михаила Ромма «Убийство на улице Данте», затем – в роли принца Гамлета в спектакле Охлопкова на сцене Театра им Маяковского. Тогда и началась его полувековая шекспириада – от Гамлета до Лира.

Мастер художественного слова – это определение по праву относится к Козакову – актеру, режиссеру и писателю.

Мастер, создавший целую плеяду образов, порой диаметрально противоположных – Держинского и Фауста, Дон-Жуана и дядюшки Адуева. Мастер – поставивший культовый фильм «Покровские ворота» и тончайшую драму «Маскарад». Мастер – остро чувствующий ход поэтической речи. Мастер – написавший ироничные и щемяще откровенные книги о времени и о себе – «Рисунки на песке» и «Третий звонок», составившие «Актерскую книгу».

Он не забыт зрителями и читателями.

Я же помню его всегда. Он был моим близким другом.

Лена, дорогая! Спасибо Вам за то, что терпите меня.
Это нелегкий труд!

Спасибо Вам, мой старинный бесценный Друг!

Миша Козаков 11.03.2004

P. S. Надписано по пьяни – оттого и правда. М.К.¹

Дружба наша возникла в начале девяностых. Возникла на таком открытом полигоне не очень внимательного отношения близких ему людей, как я думаю. Ему нужно было делиться, разговаривать с человеком, безусловно его понимающим, душевно ободряющим, и одобряющим, что немало важно.

Разговоры наши чаще всего велись днями, когда он был один дома, либо по телефону по ночам, когда все засыпали. Почти тайно. Хотя никакого романа между нами никогда не было, так сложилось, и последние жены его, хоть и недолюбливали меня за оккупацию части его души, понимали это.

Мы всегда оставались на «Вы». Он в шутку называл меня сестрой, я – никогда не называла его братом. Он для меня был кем-то старшим, не обозначаемым родственными именами. Но нам некогда было препарировать наши отношения, нужно было донести-передать нечто более важное.

Он никогда не поздравлял меня специально ни с какими праздниками, он вообще не признавал этих условностей глупых. Но в каждый мой день рождения, когда за столом собиралась семья и гости какие-то, раздавался его звонок «просто так». Только однажды он пришел на мой юбилей в ресторан, где был ближний круг, и совсем не пил, и мучился, пока

¹ Надпись на подаренной книге «Третий звонок».

не стал читать стихи – больше никто, естественно, ничего в тот вечер и не говорил.

Он не раз выручал меня с работой. Я же уходила из каждого несправедливого, по моему мнению, места, даже очень престижного и выгодного, по мнению других. А он каждый раз тут же предлагал мне работу – то с книгой, то со сценарием, а однажды просто с перепечаткой – ничего другого под рукой у него не было.

Мы с ним вместе делали его двухтомник «Актерская книга». Я, естественно, в качестве редактора. Работалось очень тяжело, но вместе с тем я понимала, что лучшего автора у меня никогда не будет. Он был придирчив в мелочах и соглашался в главном. Потом очень обижался, когда в поздних разговорах я забывала какой-то мелкий эпизод его жизни. Он тогда восклицал возмущенно: «Это же в нашей книге было!»

Говорил ли Козаков обо мне с кем-то? Писал ли? Да. Немного. Скажем, в «Актерской книге» в главе о Бродском:

Был еще один эпизод в моей жизни, связанный с Бродским. Оказавшись на гастролях в Германии, я по просьбе родителей Бродского послал ему письмо о них, о нашей читательской любви к нему и т. д.

Ответа я тогда не получил. Но он, однако, был. Да еще какой!

В 1977 году на юбилее Юрия Петровича Любимова в Театре на Таганке ко мне подошел Володя Высоцкий, только что вернувшийся из Америки. Он отозвал меня

в сторону и сказал, что привез мне оттуда подарок – книгу Бродского с дарственной надписью мне! Я подпрыгнул от радости. Лучшего подарка я не мог даже предполагать!

– Володя! Как я могу ее получить?

– погоди, я еще не распаковал вещи. Позвоню и передам тебе. Рад?

Но Володя книгу эту мне так и не передал. То ли посеял ее, то ли по ошибке дал кому-то почитать. Боже, как я расстроился!

Прошло двадцать лет. И вот перед православным Рождеством 1998 года звонит мне моя приятельница Елена Николаевна Тришина и говорит:

– Миша, вас просит позвонить Нина Максимовна, мама Володи Высоцкого. У нее для вас сюрприз.

У меня аж сердце ёкнуло: неужели?

Так и есть! Разбирая какой-то Володин сундук с журналами, привезенными из Америки в 1977 году, восьмидесятипятилетняя Нина Максимовна обнаружила тонюсенькую книжку-малышку Иосифа Бродского «В Англии». Книга издана тиражом в шестьдесят экземпляров, тридцать из которых пронумерованы. Мой – за номером пятнадцать, с надписью.

Чтобы читатель понял и оценил смысл ее, прошу представить титульный лист. По двум сторонам арки-ниши две фигуры. Одна – из мрамора обнаженная мужская скульптура, другая – скелет. В нише: «Стихи И. А. Бродского». А вот надпись, сделанная в августе

1977 года:

Входящему в роли
Стройному Мише, —
Как воину в поле
От статуи в нише.

Итак, спустя двадцать один год «награда нашла героя». В январе 1998 года я получил двойной привет с того света...

Надпись на первом томе «Актерской книги»:

Дорогая Леночка!

Вот мы с Вами и дожили. До чего? Время покажет.
Но мы это сделали, а сие уже кое-что...

Спасибо Вам, мой старинный бесценный Друг!

Миша Козаков

26 окт. 2006 г.

Прошло много лет...

Козакова помнят. Фильмы его часто повторяют по телевидению. Книги переиздают – в них то, что он сам считал главным:

Вообще я считаю себя в первую очередь актером, во вторую – режиссером, в третью – чтецом и только потом я – «бумагомаратель». Однако может так случиться, что через много лет все забудут про мои роли и мои спектакли, а книга как раз и останется для людей, которые будут интересоваться театральным процессом в те времена, когда я проживал на земле.

Он действительно о себе все сказал сам. Казалось, допол-

нить нечего. Но, говоря словами Давида Самойлова: «и это всё в меня запало, и лишь потом во мне очнулось...»

Мне захотелось сейчас поговорить о нем с людьми, которых он любил. С близкими ему по духу, с теми, кто почти никогда не рассказывал о нем откровенно и просто, без лишней патетики.

Из этих разговоров и получилась книга, в которой я постаралась остаться «за кадром», а собеседники мои свободно и непринужденно вспоминают Мишу – Мишку – Мих-Миха – ММ.

Некоторые друзья и близкие пожелали самостоятельно написать о нем: Регина Козакова, Елена Коренева, Михаил Мишин, Инна Милорадова, Владимир и Екатерина Мирзоевы, Юрий Рост, Дмитрий Брикман.

В книгу вошли также отрывки из книг Леонида Зорина, Александра Ширвиндта, Анатолия Равиковича, Юлии Эйдельман.

Мне хотелось, чтобы на этих страницах возник воображаемый диалог Козакова с теми, кто его вспоминает, – именно поэтому в главы включены отрывки из его книг и наших интервью разных лет.

Как я выбирала собеседников? Вспоминала наши с Мишей разговоры о его друзьях, встречи у него дома, на творческих вечерах. Звонила по телефону, произносила это имя – Михаил Козаков – и сразу навстречу распахивались воспо-

минания.

Мы встречались, вспоминали, смеялись, плакали, ругали кого-то, умилялись чему-то. И всегда он был с нами. Для кого-то – молодой, неизвестный мне, для кого-то – в самом расцвете сил и славы, для кого-то – уже усталый и больной, но всё еще блистательный.

По чувству – это были разговоры со своими. Их оказалось ровно сорок – Мишиных друзей – «вспоминателей», как он сам называл. Сорок – число круглое и абсолютно случайное, но мистически выражает собой совершенную полноту.

Удивительно – но у меня не сохранилось записей наших с ним долгих разговоров. Вот нелепость: мне, наверное, следовало записывать за Мишей всё – беседы, звонки и пр. А я считала это мелочностью, даже каким-то предательством – фиксировать на бумаге воздушное.

Вот лишь несколько записей:

Кризис по-творчески

Записано в августе 2009-го

Человек устал.

Человек устал служить искусству.

Человек устал служить искусству и общаться с публикой.

Человек устал также находиться дома.

Человек устал находиться дома, рядом со своей женой, устал от необходимости быть с ней в каких-либо

отношениях, всё равно: в плохих – хороших.

Человек решил заболеть. И заболел.

Сразу все вокруг засуетились, забеспокоились, стали устраивать ему консультации с лучшими специалистами, с самыми лучшими. Положили его, наконец, в самую хорошую больницу.

Он обрадовался даже – отправил жену отдыхать, далеко, надолго, на целый месяц, чтобы не маячила и тоже отдохнула. Друзья стали его активно навещать, привозить фрукты и новые книжки, выслушивать внимательно, расспрашивать про состояние – дыхание, дефекацию, волнение, потение и сны...

Публика, в лице медперсонала, терпеливо делает вид, что им неизвестно его творческое происхождение, и безжалостно колет во все доступные сакральные места. Публика, в лице пациентов, встречая его в больничном парке, издали приветливо улыбается, осторожно подходит за автографами, не надоедает разговорами.

Он повеселел. Сейчас ведет переговоры с другой самой хорошей больницей – на предмет консультаций, и даже возможности пролежать у них еще месяц...

Не хочет выздоравливать.

Он реально талантливо вошел в болезнь. Он делает всё очень талантливо.

Весной 2010 года, после долгого и трудного гастрольного тура по Америке, он уехал в Израиль. Никто не думал, что насовсем. Никто не посмел подумать, что мы больше нико-

гда не увидимся. Но там его настигла болезнь.

Он часто звонил мне оттуда. Я знала, что сам он с телефоном разобраться не может – он никогда не ладил с техникой. Мобильные телефоны презирал, в Москве ночью звонил по городскому. В Тель-Авиве телефон ему приносили и настраивали младшие дети – Миша и Зоя. Бывшая жена Аня.

Он всегда подробно расспрашивал, что происходит у нас, куда ходим, что смотрим, о ком говорим. Делился планами, собирался ставить совместный российско-израильский спектакль.

Сначала он разговаривал бодро, потом не очень, и в конце января следующего, 2011 года – уже с трудом, хрипя в трубку.

В начале февраля стало понятно, что дни его буквально сочтены. К нему полетели прощаться старшие дети – Катя и Кирилл.

Я передала ему с Кириллом подробное, как он просил, письмо и маленькую посылочку. Понимала, что читать он уже не может, но всё же...

Писала ему о своих интервью с О. Аросевой, В. Васильевой – его коллегах и старых знакомых, о телевизионной «Театральной летописи» с Петром Фоменко, о неизвестном ему, поразительно талантливом актере Алексее Девогченко, тоже читающем Бродского, о спектакле «Калигула» Э. Някрошюса – словом, обо всем, что видела своими глазами уже без него. Приветывала от Юрского и Шифрина, с которы-

ми специально разговаривала накануне. О мистических совпадениях с ними упоминала.

Мистические совпадения случались у нас с Мишей очень часто, случаются и сейчас, когда его нет. Он появляется в моей жизни, когда мне плохо, или когда мне нужно принять какое-то важное решение. Козаков возникает на экране, или читает стихи по радио, или книга его открывается на нужной странице...

Приветы шлет.

Летом 2008 года во время поездки в Италию Козаков начал писать роман «Флорентийской сон», одним из первых читателей и редактором которого мне посчастливилось быть. Роман остался незаконченным из-за болезни и смерти ММ.

Он открывался щемящими по своей откровенности и боли строчками:

В зеркале ванной комнаты трехзвездочного отеля во Флоренции, где они поселились, он правым и тоже глаукомным глазом смутно увидел, что левый, вообще ни черта не видящий, кроме света, отъехал в сторону от оси и чуть вниз и выглядит как глаз абсолютно слепого человека. Абсолютно мертвое выражение.

– Это что-то новенькое, – подумал он, – как же это будет выглядеть на эстраде при исполнении стихов? Или, может быть, за очками не почувствуется и публика не обратит внимания? Хотя – черт его знает...

Лучше всего уже довольно давно он себя чувствовал

только во сне...

И где-то в середине романа – снова больные строки о стихах, которые он читал в последнее время в концертах:

И он вновь вспомнил свои любимейшие стихи – посмертно опубликованные строки своего покойного великого друга Давида Самойлова:

Лет через пять,
Коли дано дожить,
Я буду уж никто —
Бессилен, слеп,
И станет изо рта
Вываливаться хлеб.
И кто-нибудь мне застегнет пальто.
Неряшлив, раздражителен, обидчив.
Уж не отец, не муж и не добытчик...
Порой одну строфу пролепечу,
Но записать ее не захочу.
Не дай дожить! Испепели мне силы!
Позволь, чтоб сам себе глаза закрыл.
Чтоб заглянув за край моей могилы,
Не думали: «Он нас освободил».

Поговорим о Михаиле Козакове, ниоткуда, начиная с его детства, и далее, далее, далее... с любовью...

Елена Тришина

Август 2019

Гляди вокруг, кому еще ты нужен, кому теперь

в друзья ты попадешь.
Иосиф Бродский

Сергей Юрский

Человек увлечения²

Мы были в особых отношениях. Мишу Козакова я знал семьдесят лет нашей общей жизни.

С Мишей Козаковым мы никогда вместе не работали.

² ЮРСКИЙ Сергей Юрьевич (1935–2009). Актер, режиссер, литератор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.